

ЮРИЙ КАЗАРИН

Поэт, филолог

Родился в Екатеринбурге в 1955 году. Окончил филфак УрГУ. Автор нескольких книг стихотворений и прозы, а также монографий и учебников, посвящённых исследованию феномена поэзии. Стихи публиковались в России и за рубежом. Доктор филологических наук, профессор УрФУ. Живёт в деревне Каменка на реке Чусовой.

* * *

Звякнула в небе кружка.
Это береговушка,
ласточка, бросит грош
в воду — с воды возьмишь
всё, что в ней отразится:
облако, ангел, птица,
око небес, ресница,
верхнего века дрожь...

* * *

Иду-бреду обутый в глину,
мальчишка, выросший из глины,
и узнают меня осины
как переходящую осину.
Я вышел босиком из дома —
вода стояла гуще дыма,
дождь занимался, как солома,
огнём невидимым хранима.
Деревьям здесь везде дорога,
и каждой дрожью смотрит в оба
неведомый создатель бога,
до слёз исполненный озноба.

* * *

Где вязнут в воздухе дрозды
и август трогает в дремоте
страницы неба и воды
с тиснёной глиной в переплёте,
где призраки стрекоз и птиц
и узелки на роговице —
там голод неба без ресниц
и Бог, уснувший на реснице:
и не умрёшь, и не уснёшь,
и, не моргнув, не дочитаешь —
но, погружая землю в дрожь,
землёю в дерево вырастаешь.

* * *

Корочка хлеба и крова
и одиночества соль.
Ты моё главное слово —
я его сладкая боль.
Ходишь, одетый в погоду,
с ласточками в бороде —
и превращаешься в воду,
весь отражаясь в воде.
Выпью тебя и умоюсь
заледенелый тобой.
Лягу в тебя — и накроюсь
бездной твоей голубой.

* * *

Всё, кроме смерти, случилось
и разлучилось — с тобой.
Жизнь умирать научилась,
стала судьбой.
Кошка слезами умылась,
вспыхнув двойною звездой.
Птица во мне растворилась.
Всё, что в воде отразилось,
стало холодной водой...

* * *

Кожа воды состоит из лица
отражённого в ней Творца.
Нет светлей и нежнее кожи,
но это когда без дрожи —
ещё до озноба, до ветра, до
волны, шевелящейся, вьющей гнездо
у бездны почти во рту:
так вытягивают высоту —
от рая до ада —
вечности золотую версту
сквозь соломинку взгляда...

* * *

Когда на лодке три погоды,
как жизнь и смерть, переживёшь,
и боль божественной свободы
всей кровью гибельно вдохнёшь, —
шепни себе: я не исчезну,
пока Орфей несёт во рту
всю глубину, всю высоту —
и выдыхает бездну в бездну...

Когда б не засуха, тогда
не стала б сивой борода,
но спишь и знаешь: ветер южный,
и в небесах болит вода,
и просыпаешься, когда
с дождями вечность льёт сюда,
и умирать уже не нужно.

* * *

Северной стороной,
медленной, ледяной,
темя моё ласкает
небо: идёт со мной —
не отпускает.

Зимняя муха. Не
 кажется ли: в окне
 это не муха — птица
 тенью её во мне
 в темя моё струится.
 Это закат такой.
 Это его малина.
 Вечностью и тоской
 волю мою, покой
 держит живая глина.
 Время легло сюда
 инеем мягче хлеба.
 Всюду болит вода.
 И с появлением льда —
 мёртвый, живой — всегда
 я под рукой у неба.

* * *

Осень. Печальная стройка зимы.
 Грязно и пусто. И над котлованом,
 копаным в небо, слоняемся мы
 вместе с последним дроздом деревянным.
 Неопалимый и в инее весь —
 сивый, смекнул, что леса невесомы, —
 бьётся в незримые куполы: здесь
 Божьего духа и стужи хоромы.
 Здесь разлитое зреньё. Оно
 сразу и небо себе, и окно,
 ветер стоячий и пьяный
 дымом. И дрозд деревянный.

* * *

Море приходит сразу
 во множественном и единственном числе.
 Больно глазу —
 и он между капель каплей дрожит на весле,
 отделившись от тела,
 как душа: к душе
 потекла, полетела —
 неупиваемая, потому что уже
 море ушло, и некому сказать «здравствуй», и на

дне остаётся соль, её седина,
 камушки, раковинки и гольши
 размером с душу, когда она
 умирает без другой души...
 Камень подыми и на него подыши.

* * *

Понимают дети: вот дождь, вот снег,
 вот Господь молчит — себя созерцает
 в зеркале жизни. Вот человек —
 за спиною смерть, и она мерцает,
 отражаясь в нём, затекая в рот.
 Только дети знают, простившись с речью,
 как в толпе одна тётка-смерть идёт —
 одинёшенька и себе навстречу.

* * *

Дым осиновый
 возвращает глаза
 на место, в горечь.
 Это слеза.
 На место — в ветер,
 потом в огонь.
 Сотрёшь горячую —
 жжёт ладонь.
 Сотрёшь, как море,
 как тень, как дым,
 как свет осиновый,
 как зимний Крым.
 Сотрёшь испарину,
 и вспыхнет соль.
 Как Бог, всю землю
 обнимет боль.

* * *

Кто в золотом наклоне,
 выпивший высоты,
 плачет в твои ладони,
 выхолодив персты...
 Это чужие капли —

разве что боль одна.
 Звёзды стоят, как цапли,
 если смотреть со дна.
 Так лучезарны пясти:
 лапка, в воде дупло.
 Счастье моё — ненастье,
 выплакавшись, прошло.
 Здравствуй, уже без речи
 солью сверкнувший звук.
 Здравствуй. Мои невстречи
 горше твоих разлук.

* * *

Чем больше неба, тем меньше птиц,
 тем больше белого, речных гробниц.
 И пчёл, и золота внутри ресниц.
 Накинешь небо — в снегу платок —
 на плечи старые, чтоб не продрог.
 Страну огромную — на свой роток.
 Страну огромную не обойти —
 обнимешь, бедную, Господь прости.
 И снег, как сердце, несёшь в горсти.

* * *

Между белым и белым белеет
 чёрной Библии каменный снег.
 Белым опытом Неба болеет
 с побелевшей башкой человек.
 И метельное белое поле
 прижимает страницу к окну —
 и струится, как письменность боли,
 голубая тропа в глубину —
 до земли, до нетронутой глины,
 до соснового в глине ребра...
 До янтарной её сердцевины,
 до морского её серебра.
 Всё становится небом, и крылья
 не нужны никому, оттого
 что мы небо глазами открыли
 и вросли, умирая, в него.